

ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ФАБРИКАНТАМИ И РАБОЧИМИ В МОСКВЕ И МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Аннотация. В статье разбираются предложения царской бюрократии по правовому урегулированию взаимоотношений фабрикантов и рабочих как одной из предпосылок к созданию новой отрасли права – трудового права.

Ключевые слова: фабриканты, рабочие, правила, договор, жалобы, нарушения.

Отмена крепостного права способствовала бурному развитию капитализма в России. Становление капиталистической формации сопровождалось не только количественным и качественным ростом производительных сил и производства, но и формированием нового правосознания. Значительная часть московских фабрикантов не соответствовала требованиям времени. Стремление к быстрому обогащению побуждало «предприимчивых» фабрикантов в своей повседневной деятельности идти на обман, подкуп, жульничество. Это было обусловлено как их личными представлениями о способах получения прибыли, так и уровнем профессиональной подготовки.

Трудности вхождения в новую систему отношений были вызваны тем, что в губернии большинство фабрик являлись текстильными и не требовали квалифицированной рабочей силы. Поэтому в процессе производства рабочий полностью находился во власти фабриканта. Фабрикант смотрел на рабочего как на бывшего крепостного и вел себя по отношению к нему как помещик, выдавая себя за благодетеля, не дающего рабочему умереть с голоду, или за хорошего отца, заботящегося о своих нерадивых детях. Но «благодетели» или «отцы» создавали невыносимые условия труда и быта «детей»: существовали продолжительный рабочий день и низкая заработная плата; огромные штрафы, превышавшие иногда месячный заработок рабочего; произвольные вычеты за продовольствие; плохие производственные и бытовые условия. Не выплачивались пособия по временной нетрудоспособности или по инвалидности. И как следствие: взаимная неприязнь.

Взаимные претензии работодателя и рабочих не могли быть решены в суде. Хождение рабочих в суд требовало времени и расходов «на харчи». Жалобщиков, даже если суд признавал их требования справедливыми, быстро увольняли с работы. Судьи, при всем своем желании добросовестно отнестись к своим обязанностям, не могли разобраться в тех сложившихся по обычаю порядках на различных фабриках. Главной же причиной неэффективности суда являлось отсутствие единого общеимперского закона с условиями найма.

Уездные исправники выявили несколько причин недовольства рабочих, но важнейшей была та, что при найме рабочего на работу с ним не заключался договор найма в письменной форме и не выдавалась расчетная книжка. Чаще всего договор заключался на словах и ни к чему практически не обязывал фабриканта. В силу этого хозяин увольнял рабочего в любое время; снижал размер заработной платы рабочих до истечения срока найма и не соблюдал срок её выдачи; расплату с рабочими производил не кредитными билетами, а товаром, купонами, суррогатами денег; вводил огромные штрафы, превышавшие иногда заработок рабочего за месяц; делал произвольные вычеты за получение в счет зарплаты продуктов питания в фабричной лавке. Зная об этом, московский

губернатор, князь А. А. Ливен в 1871 г. составил записку министру МВД А. С. Тимашову с предложениями по изменению ситуации. В частности, он указал, что «...многие из сторон нашей фабричной жизни остались нетронутыми законами» и «... вызывают у нас насущную, ничем не заменимую потребность в учреждении такой же фабричной инспекции, которая, следя за непременным исполнением закона на фабриках, обогащала бы правительство вместе с тем сведениями, которые оказались бы нужными для направления нашей промышленности и нашего фабричного дела» [1]. Одним словом, кн. Ливен хотел бы иметь законодательство в соответствии с требованием времени и желал бы учредить в Московской губернии особую комиссию для подробнейшего и точнейшего изучения фабричного вопроса с установлением института фабричной инспекции.

Запиской Ливена заинтересовался император и дал поручение представить более подробные сведения [2]. В архиве сохранились соображения московского губернатора о комиссии и планах её деятельности. По мнению князя Ливена, комиссию стоило бы образовать в виде опыта на три года под председательством Московского губернатора из чиновников МВД, Министерств финансов, юстиции и народного просвещения. Район действия комиссии следовало бы ограничить г. Москвой и Московской губернией.

Комиссия, не касаясь вопроса об условиях найма между фабрикантами и рабочими, должна была сосредоточить всю свою деятельность на организации следующих вопросов:

- открытие школ на фабриках и заводах;
- условия труда рабочих с точки зрения санитарной части;
- устройство ссудно-сберегательных касс.

Решения комиссии должны иметь законную силу, и их неисполнение вело к административной ответственности. Успешная деятельность комиссии возможна только при организации института фабричной инспекции, которую намечалось образовать из четырех инспекторов на губернию с подчинением их губернатору. Содержание инспекторов должно составлять 2.200 руб. в год каждому. Задачами инспекторов являлся сбор на местах материала по фабричному вопросу; наблюдение за исполнением обязательных распоряжений комиссии и поиск совместно с фабрикантами легчайших способов к устранению на фабриках всего того, что может принести какой-либо вред общественному развитию, здоровью и спокойствию. О замеченных недостатках инспектор составлял акт, имевший силу судебного доказательства. Свою деятельность фабричный инспектор должен начать с изучения детского труда в губернии [3].

Комиссия по осмотру фабрик и заводов была создана в конце 70-х годов XIX века при Московском генерал-губернаторе и состояла из различных специалистов, занимавшихся изучением рабочего вопроса. Юристы изучили рабочее законодательство передовых стран Европы и возможность его применения в России; врачи исследовали санитарные условия труда и быта рабочих; экономисты изучали причины, влияющие на эффективность рабочей силы; педагоги — влияние производства на нравственное и духовное развитие подрастающего поколения. Многие из фабрикантов, следуя рекомендациям комиссии, устраивали школы или училища для обучения неграмотных подростков; создавали фельдшерские пункты, аптеки и даже больницы для лежащих больных. В фабричных казармах появились отдельные помещения для женщин и малолетних рабочих.

Меры к тому, чтобы заставить фабрикантов и рабочих действовать в рамках правового поля, одним из первых предпринял Московский обер-полицеймейстер генерал А. А. Козлов. Им были утверждены правила внутреннего распорядка на фабриках и заводах в г. Москве. В основу правил вошли следующие положения: обязательная выдача рабочему расчетной книжки, в которой прописаны срок найма, плата и другие условия, определяющие взаимные обязанности и права обеих сторон. Определены проступки, за

которые хозяин мог налагать взыскание, — за прогул, опоздание и неисправную работу. Опоздание на работу более 15 минут считалось прогулом, а отсутствие в течение рабочего дня равнялось трехдневному прогулу. Те, кто заводил кулачные бои, игру в орлянку и карты на деньги и вещи, а также приносил в заведение вино и употреблял бранные и неприличные слова, подвергались взысканиям по приговору судебной власти. Фабрикантам запрещалось изменение платы до истечения срока найма и выдача её купонами и товарами; нарушившему этот пункт правила грозил штраф до 15 рублей на основании статьи 29 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Рабочие обязаны ходить по воскресеньям и в праздничные дни в церковь. Виновные в неисполнении данного пункта подвергались взысканию в размере десяти копеек в пользу бедных и больных фабрички. Никакое требование рабочих к их хозяину не может сопровождаться забастовкою или стачкою. Жалобы со стороны рабочих на хозяина подаются местной судебной власти [4]. С правовой точки зрения слабость правил заключалась в том, что не проработаны вопросы сроков выплаты заработной платы и вычетов, порядка прекращения и расторжение договора найма. Кроме того, слабость означенных правил заключалась в отсутствии института контроля над ними. В правилах присутствовали нравственные и культурные аспекты, ничего общего не имевшие с наймом наемной силы, но позволявшие воспитывать культуру производства у рабочих.

В начале 1884 г. при Московском обер-полицеймейстере была учреждена временная комиссия по фабричным делам. Комиссию возглавлял московский обер-полицеймейстер, и в её основной состав входили чиновники из МВД, министерств финансов, юстиции, врач и архитектор. Её главнейшую обязанность составляло попечение о поддержании надлежащего порядка на фабриках и заводах. Для чего комиссии предоставлялось право издавать обязательные постановления, касающиеся соблюдения на фабриках и заводах надлежащих условий помещения и продовольствия рабочих. Предохранения их от несчастных случаев и оказания врачебной помощи; принятие мер к предупреждению споров и недоразумений между хозяевами и рабочими, а главное - надзор за исполнением со стороны фабрикантов, заводчиков и рабочих законов и обязательных постановлений фабричной комиссии. Пожелания кн. Ливена стали претворяться в жизнь [5].

В мае 1881 года московский генерал-губернатор Долгоруков В. А. передал московскому городскому голове составленный по его распоряжению проект правил для хозяев и рабочих с целью передачи этого проекта на рассмотрение в комиссию по составлению обязательных для городских жителей постановлений при Московской городской думе. В середине декабря 1882 г., рассмотрев проект и составив по нему доклад, комиссия довела до сведения генерал-губернатора следующее: во-первых, без коренного изменения закона никакое улучшение в этом деле, по её мнению, невозможно (имеется в виду Устав о промышленности фабричной и заводской в ред. 1879 г.- Ю.В.); а, во-вторых, обсуждение Думою правил, не имеющих характера обязательных постановлений, едва ли может принести практическую пользу [6]. По всей видимости, проект правил носил рекомендательный характер.

Издание закона «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. изменило ситуацию. На основании ст. 15 «а», «б» закона генерал-губернатор мог «издавать обязательные постановления по предметам, относящимся к предупреждению нарушения общественного порядка» и «устанавливать за нарушение таковых обязательных постановлений взыскания» [7].

С 1 января 1885 г. стали действовать утвержденные генерал-губернатором кн. Долгоруковым взаимные обязательства фабрикантов и рабочих в Москве, а с 1 апреля — в Московской губернии. Как отмечалось выше, московский губернатор кн. Ливен, заботясь о рабочих, в своих проектах основное внимание уделял гигиене производственных и жи-

лых помещений, снижению травматизма, обустройству школ и созданию ссудных касс для рабочих, в новых правилах основу составляли условия найма между фабрикантами и рабочими.

Многие положения взаимных обязательств более детализированы, чем это было в постановлении московского обер-полицеймейстера Козлова. При поступлении на работу хозяин обязан с каждым поступающим к нему рабочим заключить установленным (нотариальным) порядком письменное условие или снабдить его расчетной книжкой, *не позже семи дней при поступлении на работу*. Определен порядок его прекращения – *в случае поступления рабочего на военную службу или привлечения его по делам следственным и уголовным — и расторжения по причине невыполнения рабочим своих обязанностей, а также вследствие его дурного поведения*. Для этого хозяин обязан объявить рабочему за две недели до отпуска и удовлетворить заработанными деньгами по условию. Хозяин *не имел права изменять условия договора*, в частности, требовать другой работы от рабочих, для которой они наняты, или понизить плату, количество рабочих дней и рабочих часов. Владелец не имел право налагать на рабочих других взысканий, кроме денежных, *и только за прогул и причинение ему имущественного вреда и нарушение правил внутреннего распорядка*. До истечения договорного срока без согласия хозяина *рабочему запрещено оставлять рабочее место и требовать повышения заработной платы*, а также принуждать хозяина к изменению условий найма *при помощи забастовок*. Хозяин заведения мог иметь лавку, цены в которой не должны превышать цен существующих в той же местности, а рабочие, по своему желанию, могли приобретать необходимые товары и продукты.

В правилах внутреннего распорядка предприятий в г. Москве и губернии обязательно должны быть указаны: *точные сроки расчетов с рабочими; размеры взысканий за прогулы, порчу изделий и за нарушение правил внутреннего распорядка; расписание часов начала и окончания работы, количество и продолжительность перерыва для отдыха, завтрака и обеда рабочих и окончания работ под воскресные и праздничные дни, как для взрослых, так и особо малолетних; расписание праздничных и высокотожественных дней, в которые на фабриках и заводах не полагается работы; порядок и продолжительность отлучек рабочих с фабрики или завода в будни и праздничные дни; прием рабочими посторонних людей на фабриках; указание мест, куда не дозволяется приносить вино; предосторожности при обращении с машинами, огнем и т.п.* Такие правила принимаются в основание при разбирательстве споров между хозяевами и рабочими.

Виновные в неисполнении сих постановлений хозяева фабрик и заводов подлежат денежному штрафу до 500 руб. или аресту до трех месяцев, а рабочие — аресту до трех месяцев [8].

В постановлении есть слова и выражения, которые могли толковаться произвольно, например, «прогул», «дурное поведение». И тем не менее владельцы предприятий и рабочие получили законодательно установленные права и обязанности, основания для защиты своих прав в случае их нарушения. Власти надеялись, что эти правила прекратят произвол промышленников как более сильной стороны. Случилось ли это? Ответ дали архивные источники.

Рапорты и донесения жандармских офицеров, сообщавших по долгу службы своему начальству о волнениях рабочих в Московской губернии, пестрили примерами о нарушении фабрикантами обязательных постановлений Московского генерал-губернатора от 1 апреля 1885 г. Очень часто в этих сведениях фигурируют фабрика Коншина в г. Серпухове, фабрика Полякова А. Я. в деревне Щелково Борогодского уезда, Реутовская мануфактура Московского уезда, Богородско-Глуховская мануфактура и другие.

6 марта 1885 г. уволенные рабочие с фабрики М. Н. Щербакова в Москве подали

прошение генерал-губернатору кн. В. А. Долгорукову о взыскании с последнего заработанных ими денег. Фабрикант отказал им от работы, а «так как по безграмотству нашему нам были выданы такие книжки, в которых условия найма не совсем обозначены, то мы поставлены в невозможность взыскать следуемые нам деньги судебным порядком», т.е. нарушение § 7, 23 обязательных постановлений. Деньги рабочие получили, но отказались принять расчет и учинили беспорядки [9].

В мае 1886 г. волоколамский уездный исправник доносил московскому губернатору, что содержатели бумаго-ткацких фабрик, крестьяне Волоколамского уезда С. Н. Комаров и И. К. Антипов не представили расписания распорядка на фабрике и цен отпускаемого ими товара. Неоднократно принуждали рабочих брать вместо денег товар по ценам выше существующих на местных рынках. Уездный исправник предложил оштрафовать владельцев, которые нарушили § 23 обязательных постановлений [10].

Московский губернатор сообщал Московскому генерал-губернатору от 26 мая 1886 г., что ему серпуховской уездный исправник, а затем начальник МГЖУ довели до сведения словесную жалобу рабочего Д. Копылова, работающего на ситце-набивной фабрике крестьянки Д. Кочетковой в с. Крюково. Суть жалобы состояла в следующем: управляющий фабрикой сын владелицы Степан Кочетков неправильно уволил Копылова с работы из-за отказа принять наложенный на него штраф в размере одного рубля, и покупки по высокой цене съестных припасов из фабричной лавки. Жалоба по дознанию подтвердилась, при чем обнаружилось: во-первых, Кочетковым действительно продавались съестные припасы дороже утвержденной таксы (нарушение § 16 — Ю.В.). Во-вторых, Копылова оштрафовали на один рубль, но штраф не был записан в расчетную книжку Копылова и не внесен в особую книгу. Об этом штрафе не вывешивалось объявление в мастерской, таким образом, предъявленное взыскание сопровождалось нарушением § 13 обязательного постановления.

Также при дознании выяснилось, что Кочетковым берется при расчете по 1 копейке с рубля за выдачу им заработка серебряною монетою, т.е. вычитается из заработка по копейке с кредитного рубля за размен на серебро. Вообще же уездным исправником замечено, что рабочие неодобрительно относятся к действиям Кочеткова и умалчивают об этом из опасения не быть опять принятыми на фабрику при наступлении нового срока найма людей. За нарушения обязательных постановлений генерал-губернатора § 13,16 от 1 апреля 1885 г. исправник просил дозволения оштрафовать на 100 руб. Д. Кочеткова [11]. Кочетков был оштрафован на 100 руб. с публикацией об этом в газете «Московские губернские ведомости».

Богородский уездный исправник в рапорте от 13 января 1886 г. сообщал Московскому губернатору о действиях фабриканта А.Я. Полякова в с. Щелково Богородского уезда. Хозяин рассчитал рабочих и выплатил им жалование с 29 декабря 1885 г. по 4 января 1886 г., обещав принять их вновь с 8 января, но обещание свое не выполнил, ссылаясь на сокращение работ на фабрике и дерзкое поведение рабочих. Исправник пришел к заключению о нарушении Поляковым своего обязательства, а потому на основании § 7 обязательного постановления он предписал приставу предложить г. Полякову принять вышепоименованных лиц на работу или же войти с ними в миролюбивые соглашения. Фабрикант отказался, но его постоянные конфликты с рабочими вынудили исправника ходатайствовать «...пред Вашим Превосходительством о наложении на него (Полякова — Ю.В.) за непринятие рабочих к себе на фабрику, согласно данным обязательствам, взыскания, т.к. иначе заставить его относиться к рабочим добросовестно не представляется возможность» [12].

В марте 1886 г. московский генерал-губернатор отправил московскому губернатору прошение рабочих фабрики купца Щепетильникова в Павловском Посаде о невыполне-

нии последним обязательных постановлений от 1 апреля 1885 г. и просил «оказать содействие» в рассмотрении жалобы. Рабочие были недовольны тем, что владелец фабрики уволил их с работы без предупреждения за две недели; заставлял брать харчи из лавки по повышенной цене и с обвесом.; не выдавал вовремя материал для работы, вследствие чего рабочие не работали по два – три дня; высчитывал по 1 рублю ежемесячно с каждого рабочего за пользование баней и прачечной.

Чиновником особых поручений московского губернатора Наськиным было произведено дознание, которое выявило следующее, что купец А.Я. Щепетильников закрыл фабрику вследствие своей несостоятельности, а из всех претензий рабочих удовлетворению по закону подлежит только одна, «... а именно: необъявление письменно рабочим о прекращении работы за две недели». Остальные, по мнению чиновника, удовлетворению не подлежали, так как никто не принуждал рабочих брать харчи из хозяйской лавки и проверить обвес невозможно, т.к. взятые одновременно товары записывались не порознь, а вместе одною цифрою, без обозначения; недостаток сырья действительно вынуждал оставаться рабочих по 2- 3 дня без работы (прогул по вине хозяина не прописан в правилах внутреннего распорядка, и оплате не подлежал – Ю.В.); ежемесячное взимание по одному рублю за пользование баней и прачечной производилось на основании правил внутреннего распорядка. Из 200 рабочих жалобу подали 10 человек, и во время дознания её поддержали еще 15 человек, остальные рабочие претензий не заявляли. Щепетильников признал свою вину и согласился уплатить деньги всем рабочим, пожаловавшимся на него [13].

Рабочий Егор Никонов пожаловался на несоблюдение обязательных постановлений на фабрике Мещерякова. Е. Никонов заявлял, что, проживая у Мещерякова и работая на ленточном производстве с октября 1885 г. по февраль 1886 г., платил еженедельно по 20 коп. за нагревание воды для чая и за кухню и беспричинно был уволен. Московский уездный исправник произвел дознание по существу жалобы. Из его рапорта губернатору выяснилось, что жалоба на крестьянина Мещерякова не подтвердилась: в Московском уезде в селе Черкизово Мещеряков имел не фабрику, а лишь кустарное производство, на котором трудились 5-6 человек. Кроме того, Е. Никонов получил расчет за пьянство [14]. Иначе говоря, кустарное производство под действие обязательных постановлений не подпадало, а расчет рабочих за пьянство производился немедленно.

Московскому генерал-губернатору жаловались не только рабочие, но и владельцы предприятий. Так, в октябре 1885 г. московские купцы А.К. Дангауер и В.В. Кайзер в своей жалобе указали на неправильное применение §7 обязательных постановлений мировым судьей Лефортовской части г. Москвы. Судья, разобрав иск рабочего Орлова к названным работодателям, нашел, что последние, уволив нанявшегося к ним на неопределенный срок рабочего без предупреждения за две недели, тем самым нарушили седьмой параграф обязательных постановлений. Ответчики доказывали о применимости норм этого параграфа лишь к срочным наймам. Судья отверг их доводы, указав, что при срочном найме рабочий знает сроки оставления места и его нечего предупреждать, а предупреждение обязательно в том случае, чтобы рабочий неожиданно не остался без работы, для чего и предусмотрен §7. Поэтому на основании статей 129, 105, 81 Уложения гражданского судопроизводства и ввиду того, что в расчетной книжке плата рабочего составляла по 1 рублю в день, судья решил взыскать с А.К. Дангауер и В.В. Кайзер в пользу Д.А. Орлова 12 руб.

Ходатайство фабрикантов оставлено генерал-губернатором без удовлетворения, так как на неправильное понимание надлежащим судом постановления, имеющего силу закона, ответчиком в установленном порядке приносилась просьба об отмене решения в высшую судебную инстанцию на основании подлежащих статей Устава гражданского

судопроизводства [15].

Анализ жалоб рабочих выявил нарушения фабрикантами в большинстве случаев § 2, 7, 10, 13, 16 и 23 обязательных постановлений, главным из которых был § 7, то есть увольнение рабочих до истечения срока найма на неопределенный срок без предварительного уведомления за две недели и выплаты заработанных денег. Наказание фабрикантам за нарушение обязательных постановлений было незначительным по сравнению с получаемой прибылью и позволяло им пренебрежительно относиться к закону. Обе стороны не отстаивали свои права в суде, а уповали на оперативность административной власти. Отсутствие правовой культуры не способствовало возникновению правового сознания у фабрикантов и рабочих. Надежды властей на исполнение фабрикантами закона - как более сильной стороны - не оправдались. Сиюминутные интересы фабрикантов закрывали им перспективу. Улучшить ситуацию могло лишь дальнейшее развитие новой отрасли права – трудового законодательства, которое отвечало бы назревшим потребностям промышленного развития, выработке социальной политики и правовой модернизации страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Рабочее движение в России в 19 веке. Под ред. А.М. Панкратовой. - М., 1950. Т.2. Ч.1. - С.291-307.
2. ЦИАМ. Ф.16. Оп. 228. Д.250. Л.1, 1 об.
3. Там же. Л. 15-23, включая «оборот».
4. ЦИАМ. Ф.143. Оп.1. Д.34. Л.58.
5. Собрание узаконений и распоряжений правительства, изд. при правительствующем Сенате. 1884. № 30 (20 марта) ст. 236.
6. ЦИАМ. Ф.17. Оп.51. Д.134. Л. 1, 12.
7. ПСЗ. Собр.Ш. Т.1. № 350.
8. Газета «Московский листок». 1885 г. № 7 и № 21.
9. Рабочее движение в России в 19 веке. Под ред А.М. Панкратовой. - М., 1950. - Т.3. Ч. 1. - С. 349-350.
10. ЦИАМ. Ф.17. Оп. 61. Д.94. Л. 36.
11. ЦИАМ. Ф.17. Оп. 61. Д.94. Л. 28, 28 об., 29, 41.
12. ЦИАМ. Ф.17. Оп. 61. Д.76. Т. 1. Л. 27, 27 об., 28, 28 об.
13. ЦИАМ. Ф.17. Оп. 62. Д. 102. Л. 1, 8, 8 об., 31.
14. ЦИАМ. Ф.17. Оп. 61 Д.100. Л.3, 5, 8.
15. ЦИАМ. Ф.16. Оп.75. Д.453. Л.1, 1 об., 2, 4, 4 об., 5, 5 об.

Y. Baranov

LEGAL MEASURES TO ESTABLISH THE RELATIONSHIP BETWEEN EMPLOYERS AND WORKERS IN MOSCOW AND MOSCOW PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY.

Abstract. Offers of imperial bureaucracy understand clause on legal settlement of mutual relations of manufacturers and workers as one of preconditions to creation of new branch of law - the law of master and servant.

Key words: The factory owners, workers, rules, agreement, complaints, violations.